Х. ГРАСХОФ

ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

В своих последних работах П. Н. Берков не раз настоятельно указывал на необходимость диалектического подхода к изучению русской литературы XVIII в. и выступал против формальной классификации историко-литературного процесса и раздробления его на множество течений, направлений и школ, а также и против чрезмерного употребления различных «измов». Отрицательное отношение к истории литературы, втиснутой в прокрустово ложе различных литературных стилей и течений, П. Н. Берков особенно полно изложил в статье о русском классицизме.[1]

При анализе и оценке русской литературы XVIII в. должны быть несомненно учтены художественное отображение и восприятие литературной объективной действительности, существующих общественных условий и облика современника, идей и исторических событий эпохи, роль литературы в познании и отображении действительности, а также выработка обязательной нормативной поэтики. Однако принимая во внимание чрезвычайно ярко выраженную идейно-дидактическую устремленность литературы в эпоху Просвещения, литературоведы должны в дальнейшем больше изучать общественно-воспитательную функцию литературы XVIII в. В эпоху европейского, а вместе с тем и русского просвещения именно общественное назначение, воспитательная функция литературы стояли на первом месте среди всех других факторов, определявших развитие литературы. Этим обусловлен, в частности, тот живой интерес, который в наше время проявляется к литературе Просвещения, литературе эпохи подымающейся буржуазии, вследствие ее воинственности, прогрессивности и устремленности в будущее, несмотря на свойственные ей художественные недостатки.

---

[1] Берков П. Н. Проблемы изучения русского классицизма. — В кн.: Русская литература. Эпоха Просвещения. XVIII век. Сб. 6. М.—Л., 1964, с. 29.

«В основных чертах Просвещения можно уже различить ростки нашей современной эпохи. Благодаря Просвещению противоречия человечества нового времени впервые стали достоянием общего сознания: противоречие между знанием и верой, из которого должна была родиться наука той эпохи как средство овладения природой и преобразования жизненной практики человека; противоречие между естественным правом и всеми исторически освященными учреждениями, насильственное разрушение которых являлось обязательным условием для возникновения буржуазного общества и капиталистического общественного строя».[2]

В конечном счете в каждом литературном произведении автор высказывает свое суждение об определенных проблемах, касающихся и его лично и всего общества. В этом заключается важная характерная черта любой литературы. Она «является целеустремленным процессом, направленным определенному адресату, определенной публике, которую автор желает сделать соучастницей или сообщницей своего литературного творчества. Ни одно литературное произведение не возникало никогда само по себе, а всегда как послание определенному кругу людей, которые должны были стать его слушателями или читателями, независимо от того, обращался ли автор к одной социальной группе, к целому классу, ко всей нации или к еще не существовавшей публике будущего».[3]

Рассмотрение русской литературы XVIII в. и ее общественно-воспитательной роли, ее «тенденциозности» — в лучшем смысле этого слова — позволило бы найти новый подход ко многим неразрешенным проблемам. Существенное ограничение принятой до сих пор схематичной классификации русской литературы XVIII в. в соответствии со строго очерченными литературными течениями — классицизм, сентиментализм, ранний реализм — под знаком обобщающего понятия «литература русского просвещения» позволило бы дать объективную и непредвзятую общую оценку творчества Прокоповича, Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова и других писателей вплоть до Радищева. При таком подходе художественное воплощение просветительских идей и общественно-эстетическая функция литературы оказались бы на переднем плане.

В истории человечества европейское просветительское движение, нашедшее свое выражение во французской буржуазно-демократической революции 1789 г., относится наряду с Великой крестьянской войной в Германии и «Славной революцией» 1688 г.

---

[2] Krauss W. Einführung in das Studium der französischen Aufklärung. — In: Grundprobleme der Literaturwissenschaft. Rowohlt Taschenbuch, Reinbeck bei Hamburg, 1968, S. 39.

[3] См.: Bahner W., Schröder W. Literatur und revolutionäres Bewußtsein in der französischen Aufklärung. — Weimarer Beiträge, 1970, H. 5, S. 87.

в Англии к «трем крупным решающим битвам» (Энгельс) подымающейся буржуазии против изжившей себя феодальной системы.

В царствование Петра I самодержавная Россия освоила новейшие и самые ценные достижения наиболее передовых европейских государств в области политики, экономики, науки и культуры. «Петр, — по словам Ленина, — ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».[4] Решительные меры, значительно способствовавшие социально и политически необходимому процессу, не могли быть делом лишь одной, даже такой исключительной личности, как Петр I. Для этого было необходимо самоотверженное, беззаветное участие круга близких, энергичных сотрудников, которые под знаменем Просвещения и общественного прогресса вовлекли большинство русского народа в революционные преобразования и сделали новые идеи достоянием широких слоев населения. Тем самым в начале XVIII в. также и русская литература превратилась в боевое идеологическое оружие, и ее общественной задачей стало формирование национального и политического сознания самых широких слоев населения. Ведущие русские деятели во главе с архиепископом Феофаном Прокоповичем использовали старые, традиционные литературные формы школьной драматургии и проповеди с новыми целями: они распространяли просветительские идеи веротерпимости, современных научных знаний, естественного права, культуры и образования, нового государственного патриотизма и национального самосознания. Характерно, что при той большой роли, которую приобретала общественно-воспитательная функция этой «тенденциозной» литературы Петровской эпохи, для нее было симптоматичным противоречие между устаревшей художественно-языковой формой выражения и явно проступавшим новым идейным содержанием. Это отставание формы от содержания находит яркое выражение, в частности, в церковной проповеди Прокоповича о необходимости создания нового могучего русского флота. Личность Петра на протяжении всего XVIII в., в особенности в связи с дворянско-церковной реакцией, усилившейся после его смерти (1725), оставалась идеалом в литературе русского просвещения. Русские писатели, восхваляя этого великого царя, использовали его образ для замаскированной критики его ничтожных преемников. Это было своего рода заклинание мертвых, к которому, по словам Маркса, прибегало человечество, когда в эпохи революционных кризисов оно вызывало духов прошлого, заимствуя у них имена, боевые лозунги и костюмы. Образ всемогущего неземного правителя мира, созданный средневековым религиозно-ортодоксальным мышлением, в лице Петра I приобрел черты земного властителя,

---

[4] Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Полн. собр. соч., т. 36. М., 1962, с. 301.

облеченного абсолютной властью, которого общество наделило во взаимно обязывающем договоре полной свободой действий и всеми полномочиями.

Первый русский светский писатель, прогрессивно настроенный дворянин Антиох Кантемир, находясь в тяжелых общественных условиях ненавистного бироновского ига и опасаясь преследований, смог избрать в качестве наиболее целесообразного и самого действенного литературного жанра только сатиру. Здесь также содержание определило форму. Кантемир выступал против бездарного, непросвещенного дворянства, опять пришедшего к власти, против невежественного, фанатичного православного духовенства, против поверхностно европеизированных, паразитствующих помещиков-дворян, а также против угодливых государственных чиновников и властной чиновничьей верхушки. Помимо античной сатиры Горация и Ювенала, классических картин нравов и характеров Буало и Лабрюйера, он использовал сатирические образцы из современных просветительских журналов (ван Эффен). Причисляемый обычно к классицистам, Кантемир, с другой стороны, продолжил также стилистико-речевую традицию русского силлабического стиха Симеона Полоцкого. Он не чуждался элементов народного языка и использовал осуждавшийся французским классицизмом enjambement, а также свободный стих англичан и французов. Ярко выраженная просветительская направленность, дидактическая целеустремленность сатир, подчеркиваемая необычным обилием примечаний, явная «тенденциозность» его творчества — все это разрушало узкое представление о литера туре, культивировавшееся французским классицизмом.

Новое широкое представление о литературе, характерное для европейского Просвещения, расширение узкого понимания литературы, свойственного классицизму, за счет обогащения ее научным содержанием и актуальными идеями и проблематикой эпохи, переход от поэзии, ограниченной частным интересом, к научно-популярной беллетристической литературе отчетливо проявляется в творчестве первого русского светского просветителя. Глубоко сознавая воспитательную функцию просветительской литературы, Кантемир перевел для любознательных русских читателей поучительные «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля и «Newtonianismo per le dame» Альгаротти. В противоположность французскому классицизму мышление Кантемира формируется уже не только под влиянием рационализма Декарта, но и под воздействием эмпиризма и сенсуализма, весьма отчетливо (особенно в VII сатире «О воспитании») определивших его мировоззрение и его гуманистический идеал.[5] Его непоколебимая

---

[5] См.: Graßhoff H. Die Humanitätsideale der russischen Frühaufklärung. Das humanistische Weltbild des Aufklärers und Satirikers A. D. Kantemir. — In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des XVIII. Jhs., Bd. III, Berlin, 1968, S. 206—230.

вера в прогресс,[6] его высказывания в защиту конституционной монархии, пробужденные в нем дружбой с Монтескье и личным знакомством с английскими условиями жизни, его веротерпимость, а также впервые сформулированное им положение о принципиальном равенстве аристократа и крепостного крестьянина, его любовь к наукам и искусствам и страстная проповедь идеи мира характеризуют его как убежденного просветителя.

Идеология Просвещения, новое национальное сознание и новое понимание истории, идея прогресса и материалистическое мировоззрение обусловили также художественную и научную деятельность Ломоносова. Подобно Кантемиру, гениальный ученый-энциклопедист исходил во всей своей деятельности из представления об общественном призвании и воспитательной роли литературы и искусства. Писатель и ученый, ученик Вольфа и Готшеда, Ломоносов понял необходимость изменить художественную форму литературы в соответствии с ее новым содержанием. В своих «Грамматике» и «Риторике» он предложил стройную систему, упорядочившую нормы русского литературного языка. Во всем творчестве Ломоносова поэзия и наука самым тесным образом сосуществуют. Ломоносов считается основоположником и ведущим представителем русского классицизма, но тем не менее его панегирическая хвалебная ода заметно отличается от своего художественного прототипа — оды французского классицизма.

Устранение мнимого противоречия между элементами классицизма и барокко в творчестве Ломоносова, чертами классицизма и реализма у Фонвизина, сентиментализмом и реализмом у Радищева и т. д. позволило бы избежать произвольного и схематичного распределения писателей от Прокоповича до Крылова по литературным школам и привело бы к подведению всей русской литературы XVIII в. под более широкое понятие «русская литература Просвещения», а также к отказу от чрезмерного увлечения односторонне истолкованными художественно-стилистическими категориями. Более внимательное изучение общественно-воспитательной функции литературы этой эпохи могло бы дать также и для истории русской литературы новые и неожиданные результаты.

(Перевод П. Р. Биркана)

---

[6] См.: Graßhoff H. Der Fortschrittsgedanke in der russischen Literatur der Aufklärung. — Zeitschrift für Slawistik, H. 3, 1969, S. 444—452.